

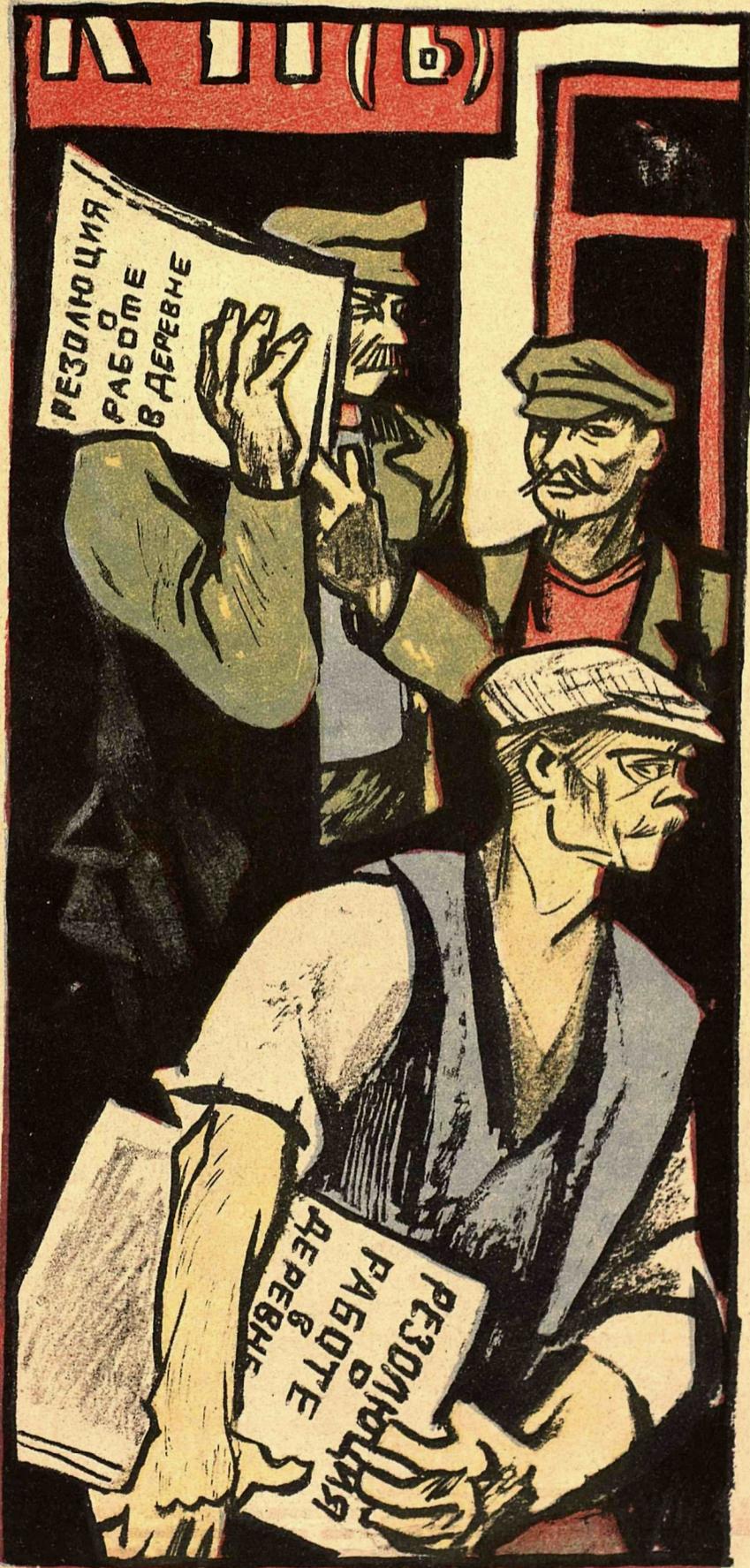
КРОКОДИЛ

12556
4

„Не должно быть таких организаций в нашей партии, которые относительно работы в деревне считали бы возможным ограничиться вынесением одних резолюций“ (Из письма ЦКРКП (б).)

Рис. И. Малютина.

ЧЕГО НУЖНО ВЫНОСИТЬ

ПОМЕНЬШЕ.

ПОБОЛЬШЕ.

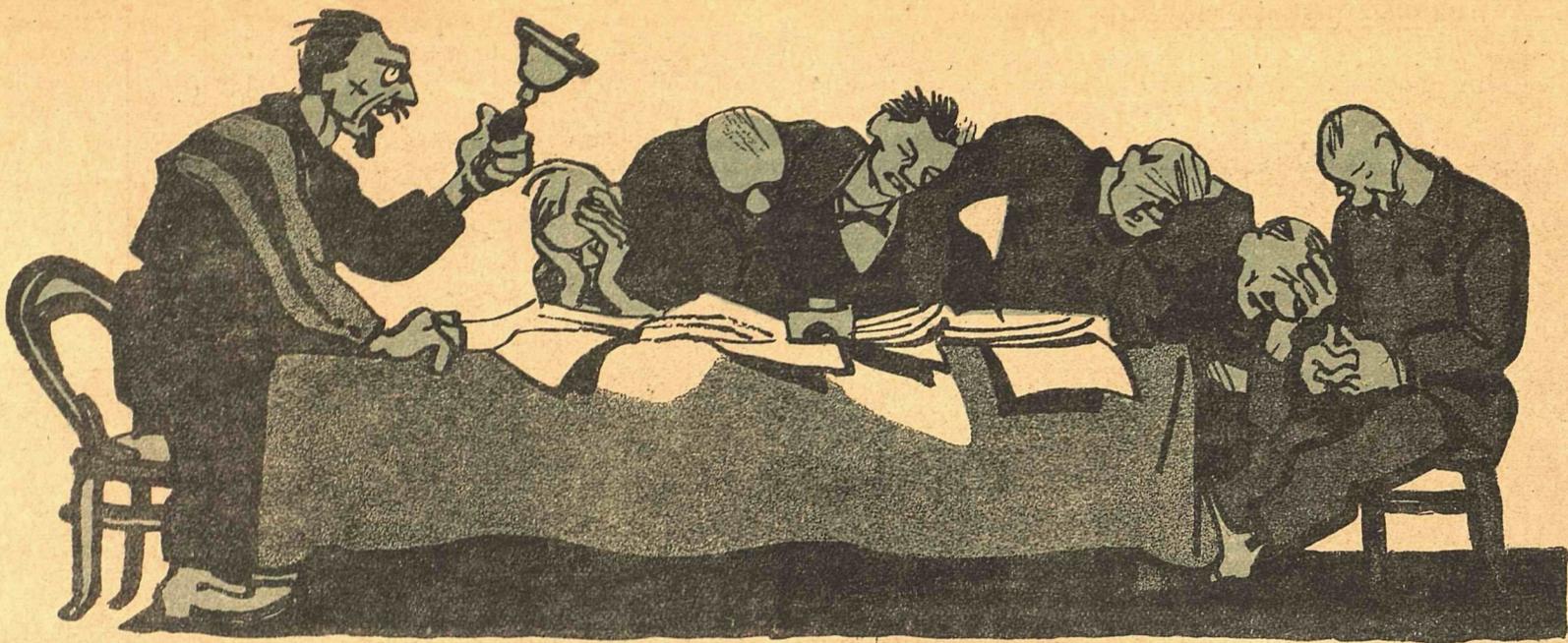

Рис. Ив. Малютина.

НА ЗАСЕДАНИИ ПАССИВНОГО ПРОФСОЮЗНОГО АКТИВА.

„Однозвучно гремит колокольчик“!

КАК СОЗДАВАТЬ АКТИВ.

Поучительная и циркулярно-назидательная сказочка для проф-огольцов засидевшегося возраста.

I.

Жил-был Ванькин. По пассивности своей и по несознательности он долгое время воздерживался от уплаты членских взносов в союз, через что и выбыл автоматически. Поднав, кроме того, под сокращение штатов, он долго и тяжело испытывал на себе неприятности, сопряженные с отсутствием профбилета у безработного человека. А, поступив, наконец, при попустительстве Эркаки, на новую службу, пошел в местком и сделал заявление:

— Игде тут у вас растратчик? Желаю внести вступительные и членские и восстановиться в правах.

— Секретаря сейчас нету, — сказали Ванькину. — Который проворовавший, тот под суд ушел, а который кооптированный, тот в губотдел пошел. Зашли бы вы завтра.

II.

Долго сказка сказывается, да скоро дело союзное делается. И недели еще не прошло, а Ванькин уже застал секретаря и вручил ему заявление, написанное по форме.

— Хорошо, — сказал секретарь, — но вопрос этот не могу же я разрешать единолично? Теперь, конечно, лето, и все в отпуску, но когда вернутся, тогда мы поставим ваше заявление на повестку месткома.

III.

Нескоро сказка сказывается, да быстро... и т. д. Еще и месяца не прошло, и уже предместкома сообщил Ванькину резолюцию:

— Дело-то тут такое... По согласию-циркуляра, которые поступили на работу до 16 апреля *) — принимать в союз, а которые позже — не принимать. Вы же зачислены ровно 16-го, что циркуляром не предусмотрено, так что идите вы прямо в губотдел.

IV.

Медленно сказка, да... и т. д. Словом, и десяти прогульных дней еще не миновало, а уж Ванькин застал в приемные часы зав. орготделом и дал ему заявление.

— Да, — сказал зав. орготделом, — но... Тут, собственно, неясны условия найма и вообще... Короче говоря, вам надо сначала не ко мне, а в отдел тарифно-экономический: через площадку, четвертая комната налево.

V.

— ...Только зав. в узде сейчас, — сказали в ОТЭ, — так что вы денька через три...

VI.

— Посылают, посылают, а куда — сами не знают! — сердито сказал зав. ОТЭ. — Причем же тут наш отдел? Пройдите к секретарю, он сделает резолюцию, но только его сейчас, кажется, нету...

VII.

— Надо в орготдел, — сказал секретарь. — Ах, были?.. Ну, тогда в ОТЭ... Ах, ко мне? Ну, вот что: мы поставим на президиум. Не могу же я единолично!

*) Циркуляр такой есть. Кроме смеху. (примеч. редакции).

VIII.

— В текущих делах есть еще вопрос о Ванькине, — сказал председатель президиума. — Впрочем, лучше перенести его на пленум правления... Все вопросы разрешаем на президиуме, а для правления и повестки нету!

IX.

Долго сказка рассказывается, да быстро союзное выдвиженчество делается...

— Предлагаю вопрос этот снять, — сказал один из членов правления. — А в защиту предложения выскажу, что Ванькин давно по другому союзу прошел, а затем, с переменной работы, в наш перечислился. Не говоря уж о том, что это-ж я и есть тот самый Ванькин!

Грамен.

ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ.

В провинции, а особенно в деревнях, очень часто по всем вопросам повестки дня выступает один и тот же докладчик. (Из корреспонденций «Правды»).

Председательствующий сказал:

— Тише, слово предоставляется по первому пункту повестки дня, — „Международное положение“ — товарищу Лимонову.

Лимонов откашлялся, выпил залпом стакан воды и пошел...

Через 2 часа председательствующий сказал:

— Вопросов нет? Желающих высказаться нет? Итак, слово предоставляется по второму пункту повестки дня, — „Работа в деревне“ — товарищу Лимонову.

Лимонов откашлялся, выпил залпом стакан воды и пошел...

Через полтора часа председательствующий:

— Вопросов нет? Желающих выступить по докладу нет? Итак, слово предоставляется по третьему пункту повестки дня, — „О росте нашей промышленности“ — товарищу Лимонову.

Лимонов откашлялся, выпил залпом стакан воды и пошел...

А поздно ночью, возвращаясь домой, Лимонов горестно думал:

— И отчего это у нас собрания не оживленнее? Никак никакого актива не воспитаешь!.. А стараешься, ведь, не за страх, а за совесть...

П. Е. Тит.

НАУКА ПО-АНГЛИЙСКИ.

(Отрывок из лекции).

— Леди и джентльмены! В Америке, как вам известно, запрещена даже теория Дарвина и разрешается только такая наука, которая не противоречит Библии. У нас, в свободной Англии, не может быть и речи о подобном отношении к науке, о подобных пережитках темного средневековья... Леди и джентльмены, научное мышление не мирится с предрассудками и суевериями! Ведь, если рассуждать по-американски, то как, например, должны были бы мы объяснить себе современные события нежелательного порядка? Волнения в Шанхае, полевение трэд-юнионов, брожение в Индии, советизация Грузии, урожай и оживление промышленности в СССР, — все эти прискорбные явления социального порядка пришлось бы признать тогда «божьим произволением»... Между тем, наука дает всему этому простое и единственно-возможное объяснение: злобные происки агентов Коминтерна!..

СЕЗОННОЕ ТВОРЧЕСТВО.

«Белая пресса пишет о плохих для большевиков политических последствиях урожая 1925 г.»
(Из газет).

— Чорт! У большевиков урожай. Везет им!—печально заметил сотруднику Истукариеву редактор белой газеты.—Вот что, Истукариев, вы, кажется, уже писали в 23-м году о недороде, напишите-ка статью с соответствующими выводами об урожае. У вас это хорошо выходит.

Истукариев порылся в архиве, разыскал старую статью и с удовольствием перечитал ее:

„В России недород. Целый ряд районов захвачен им. Несомненно, это явление—начало конца большевистской тирании. Нет хлеба—нет экспорта—нет денег. Нет, значит, и прогресса, и развития производительных сил страны.

Не может быть сомнений в том, что это является последней каплей, переполняющей терпение нашего многострадального, крепкого задним умом, мужичка.

Мужичек поймет всю нелепость экономической политики большевиков и пошлет эксплуататоров и угнетателей к этой самой, как выражаются мужики, Кузькиной матери.

Начнутся восстания, волнения, бунты. Это факт. Большевики доживают последние дни. Будущее за нами!“

— Хорошо написано,—констатировал Истукариев.—Стиль благородный. И использовать можно прекрасно. Мы это переделаем так:

„В России урожай. Целый ряд районов захвачен им. Несомненно, это явление—начало конца большевистской тирании. Есть хлеб—есть экспорт, значит, есть и деньги на прогресс и развитие производительных сил страны.

Но так ли это на самом деле? Нет, нет и нет, как говорил Наполеон. Куда деваются эти деньги? Вот в чем вопрос!

Деньги идут на кутежи советских дипломатов, на канцелярию Коминтерна, на подкуп иностранных делегаций и, вообще, на устройство „мировой революции“.

Не может быть сомнений в том, что так долго продолжаться не будет.

Мужичек, наш добрый многострадальный, крепкий задним умом, мужичек, поймет всю нелепость экономической политики большевиков и пошлет эксплуататоров и угнетателей к этой самой, как выражаются мужики, матери Кузьмы.

Начнутся волнения, восстания, бунты. Это факт. Большевики доживают последние дни. Будущее за нами!“

Перечитав статью, Истукариев пришел в восторг и похвалил сам себя:

— Здорово вышло! Лучше, чем в 22-м году. Надо будет, на всякий случай, спрятать копию. Может, пригодится через несколько лет, в случае неурожая. Будущее, ведь, за нами. Бен-Гали.

ПРОИЗВОДСТВО.

Год тому назад Степанида Ивановна Сурикова начала искать с мужа на содержание ребенка. Так как муж, несмотря на постановление московского губсуда, платить отказался и уехал из Москвы, Суриковой пришлось послать полученный ею из суда исполнительный лист в Калужскую губернию, по новому месту жительства мужа, для принудительного взыскания.

Как эта операция была проделана, — об этом с великим спокойствием рассказывает следующая официальная бумага. От исполнителя Судебных решений Калужского губсуда по М.-Ярославскому и Вяземскому уездам.

Гр. СУРИКОВОЙ, СТЕПАНИДЕ ИВАНОВНЕ.

Настоящим довожу до вашего сведения, что по вашему исполнительному листу, полученному мною 8 августа 1924 г., было сделано следующее: 18 августа 1924 г. было описано имущество у гр. СУРИКОВА, по оценке на 113 рублей и на 20 сентября 1924 г. были назначены первые торги, затем вторые—на 17 октября и третьи — на 24 октября, но таковые не состоялись за отсутствием покупателей, возможно зависело от высокой оценки, так как скотина за последнее время понизилась в цене, а в четвертый раз мною были объявлены торги на 14 ноября, и описанное имущество было продано с предложенной цены. Первая цена — 35 рублей, вторая — 45 рублей, третья—55 рублей и четвертая, последняя — 60 рублей. Больше предложений не было, и поэтому имущество было продано за 60 рублей.

Итак, пока все идет по порядку. К сожалению, исполнитель лишь проговаривается о том, какое имущество было описано. Судя по этой проговорке — весь скот («скотина за последнее время понизилась в цене»).

Дальше идет уже часть описания жестокая, хотя и выдержанная в тех же спокойных тонах:

Из означенной суммы удержано процент сборов по таксе:

- 1) за опись имущества с суммы оценки, со 113 рублей — 1,5% — 1 р. 70 к.,
- 2) за несостоявшиеся торги — 2 р.,
- 3) за проведение торгов с вырученной суммы 60 руб. — 1,5% — 90 коп.,
- 4) почтовые расходы—21 к.

Пока — опять-таки терпимо, но дальше идет пункт пятый, который гласит, да таким гласом великим, что аж жутко становится:

- 5) за четыре подводы с расстоянием в оба конца 52 версты — 42 рубля и командировочные за 8 дней — 12 рублей, а всего удержано по производству пятьдесят восемь рублей 81 коп. За вычетом этого, вам подлежит по исполнительному листу 1 рубль 19 копеек, которые при сем прилагаю.

Итак, в результате всего «производства» ребенок на свое содержание получает... 1 рубль 19 копеек. Хорошо еще, что ему не пришлось доплачивать к «производству». Ведь, если бы четвертые торги не состоялись или дали бы на торгах за скот Сурикова пятьдесят пять рублей, — ребенок вынужден был бы выдать на содержание производства некоторую сумму денег.

Но это еще не все. Судебный исполнитель, вполне удовлетворенный результатами «производства», сообщает:

Возвращаю вам ваш исполнительный лист, дальнейшее взыскание будет производить в гор. Москве, по месту службы ответчика, так как он заявил мне, что уезжает в Москву, где и будет работать.

Результат «производства» вылезает боком и с другой стороны: продажей скота за бесценок хозяйство ответчика разорено настолько, что он вынужден пополнить собою армию безработных в Москве.

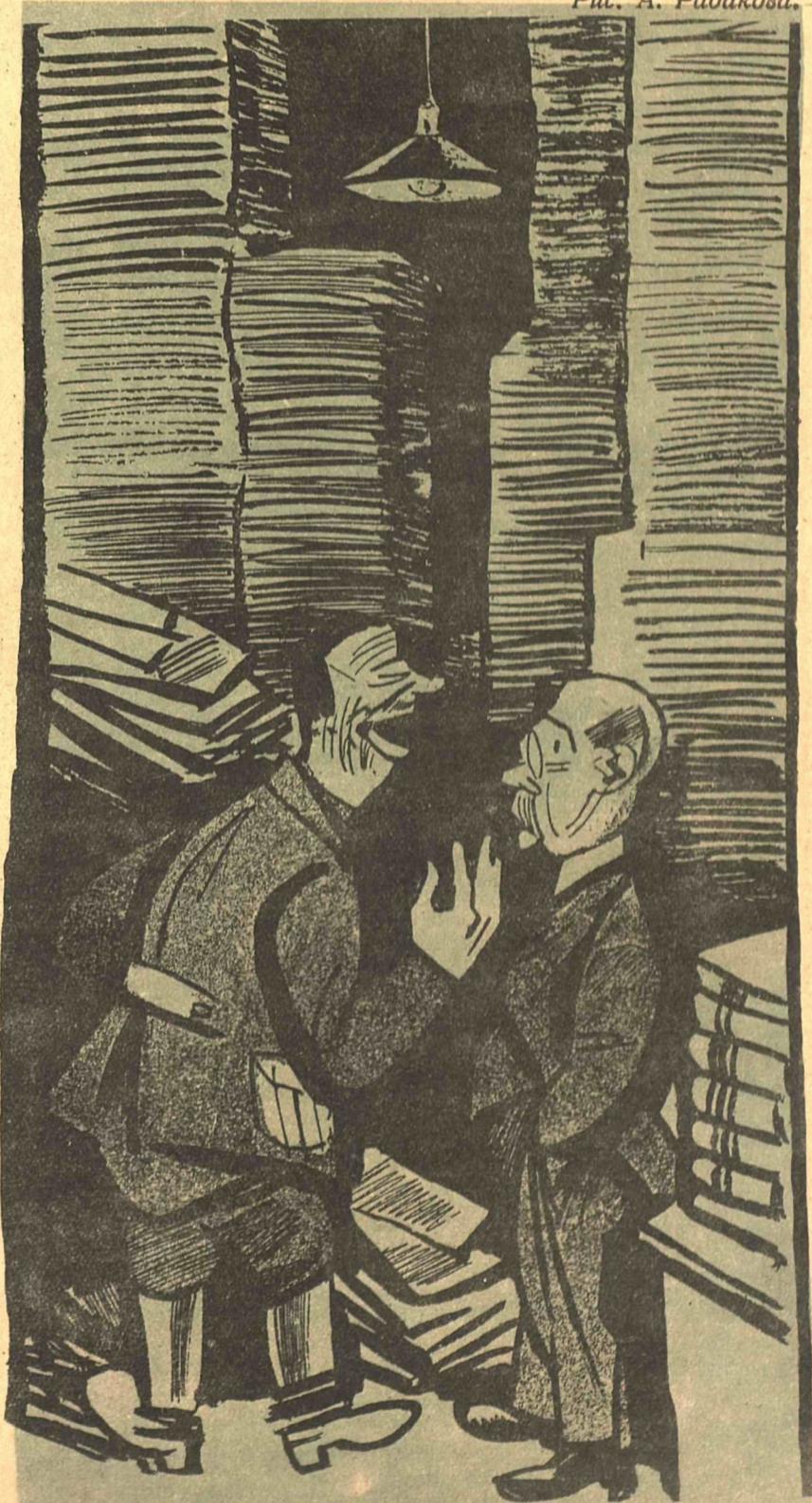
Раньше, в недоброе старое время, говорили — «закон, что дышло: как повернул, так и вышло». Теперь про закон-то этого никто не скажет, но «производство» дышло напоминает весьма и весьма. И если таким дышлом заехать по затылку крестьянину, — в результате от всего хозяйства в лучшем случае остается рубль девятнадцать копеек, при помощи которых «производственное» дышло ласково гладит по головке требующего «алиментов» ребенка.

Наркомосту следует поинтересоваться, — нет ли во всем этом «производстве» еще «третьего лица».

Вл. Павлов.

НЕПРИСТУПНАЯ КРЕПОСТЬ.

Рис. А. Радакова.

— Ревизионная комиссия едет. Все ли у нас благополучно?
— Не беспокойтесь—папками закидаем...

ДИКАЯ ПРИРОДА.

(В Крыму).

Рис. К. Елисева.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: — Удивительно! Здесь, повидимому, еще не ступала нога культурного человека: я нахожу следы только дикарей.

ИВМЫ В БОК

КОЛЬЧУГИНСКИЙ «ШПЕКИН».

Жив еще гоголевский почтмейстер. Заведует он заводом «Глюз» в Кольчугине. Увидел он пришедшее на завод письмо со штампом редакции, на имя рабочего Гликман, и заинтересовался: «вот-де, попался рабкор!.. Ну-ка, что там интересного?». Посмотрел на свет, не видать. Вскрыл конверт, а там—какой-то циркуляр редакции... Что-же было дальше? А вот что: перлюстратор зав написал на вскрытом конверте:

«Давильный цех. Передать Гликману. Паулин».

и чуть пониже добавил:

«Был вскрыт потому, что адресован на имя завода «Глюз».

Как говорится, соврал и не покраснел.

Напоминаем вскрывателям чужих писем, что они могут напороться на вилы не только крокодилы, но и «прокуроры».

«САМОВАЛАСТЬ НА МЕСТАХ».

В с. Елховке (Нижегор. г.) председельсва Агафонов и уполномоченный по землеустройству Жарков лишили надела семью красноармейца Бадьянова. Мать последнего пожаловалась в Нижегород. губземотдел. Там дело разобрали и послали предписание вернуть незаконно отобранную землю. И что же?

«Агафонов и Жарков встретили предписание матом. Покрыли так, как еще вряд ли кто где слышал. Бадьянова от такового приема едва на ногах выстояла... Облилась она слезами. А землю-то они вернуть все-таки отказались»...

«Крокодил», конечно, заступится за красноармейскую семью. Но крыть матом Агафонов и Жаркова, разумеется, он не станет (разве с ними можно состязаться?) и вилы пихать в них не будет (не хочется марать о дураков). А поплачет он о них «крокодиловыми слезами»... Доходчивые это слезки!

ЕГО ЗАВОКРЗДРАВОДИТЕЛЬСТВО.

Там же:

«Когда захворала жена завокрздрава, товарщица Лось, то была очищена палата от других больных. Так как мадам Лось заявила: «Не желаю лежать с прочими». В это время больные рабочие лежали в коридоре, за отсутствием мест».

Конечно, не про этого Лося сказано: «Лося бьют в осень, дурака завсегда». К нему относится только конец этого изречения.

ЛИХОЙ НАЕЗДНИК.

Нам сообщают:

«Врач Котласской водно-санитарной больницы, напившись русской горькой, на плечах одного безработного «поехал» домой, заплатив за это один рубль».

Как жаль этого доброго «вадника без головы». Еще бы,—ведь, наверняка, его кто-нибудь сейчас взвздуает, не заплатив ни одной копейки.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ.

Все говорят, что ничего нет таинственного на свете. Ошибаются. Вот, судите:

«Необыкновенное явление у нас, в городе Владикавказе. Дело в следующем—милиция отбирает у самогонщиков аппараты, а каким-то чудом эти аппараты попадают на рынок и покупаются обратно теми же самогонщиками».

«Все течет и возвращается на пути своя»,—так, кажется, сказано в писании?

Не иначе,—либо здесь орудует нечистая сила, либо кто-то на руку нечист. Скорее,—последнее.

ПЛЕВАТЕЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Жалуются больные совбольницы города Таганрога:

«Мыла в умывальниках нет, не только для больных, но и для служащих. Плевательницы в палатах и в коридорах отсутствуют. Больные плюют на пол или в открытые окна, попадая прохожим на головы»...

А вот администрация больницы, несмотря на отсутствие плевательниц, на все и всех плюет и не жалуется. Ей что? На-пле-вать!

ТРЕБУЕТСЯ СОДЕЙСТВИЕ.

О миллионере Реутовской фабрики Ипполитове сообщают прискорбные вести:

Ипполитов часто дебоширит в пьяном виде. В совхозе сдергивает по ночам одеяла с женщин и обливает холодной водой, пристаёт к женщинам, охальничает. Работницы про него говорят: «вот изверг!».

Такой изверг,—и до сих пор не извергнут?.. Надо бы поторопиться...

ПОКРЫВАЮТ.

Из протокола заседания правления жилтоварищества 7176 (Москва, Ново-Басманная ул., 31).

Слушали:

О финансовом положении жилтоварищества.

Постановили:

Ко всем жильцам, не уплатившим за 4 месяца квартирную плату, предъявить иск в нарсуд с просьбой о выселении из дома, как злостных неплательщиков.

Члену правления, тов. Советову, предложить покрыть свою задолженность за 5 месяцев, в сумме 150 руб.

Вот видите, как хорошо быть членом правления... Сколько ни должен, а в злостные неплательщики не попадешь. Всегда будешь добреньким.

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ...

Эту песенку напевают выше-волоцкие почтари:

В В-Волочке расстояние от почты до фабрики «Парижская Коммуна»—20 минут ходу, а почта шла 21 сутки (случай с повестками на пленум ЦРК).

Не переименовать-ли выше-волоцкую почту в Сверх-Волокитскую?

НЕ НА МЕСТЕ.

Член завкома электроотдела Балаханского района, Глухов, дал такую сильную пощечину рабочему Арсену, что последний залился кровью...

Вот уж, действительно, не на месте служит этот Глухов, хоть и красит место кровью... Не в СССР бы ему сидеть, а в Болгарии: большие бы деньги зарабатывал.

СТРОГО, НО СПРАВЕДЛИВО.

Административное управление исполнительного комитета Буйского уезда, рассмотрев дело молвитинской волмиллии по обвинению гр. Шигина, проживающего в дер. Федотове, Молвитинской вол., в нарушении обязательного постановления УИК'а об очистке улиц и площадей, постановило: гр. Шигина подвергнуть штрафу на 200 руб.

Дело Шигина было, прямо надо говорить,—дрянь. Но человеку повезло. Президиум УИК'а слушал:

заявление гр. Шигина о сложении с него штрафа в 200 рублей в виду того, что во время базарного дня у его кладовой площадь в 1 сажень засорил не он, а торговцы рассадой.

И постановил:

Согласно имеющихся в деле обстоятельств о том, что около кладовой была грязь от дождя, а не антисанитарное состояние,—снизить с Шигина штраф до 50 рублей.

И правильно: с одной стороны, человек, как будто, не виноват, потому—дождь. А, с другой стороны, дождь этот самый президиуму Буйского УИК'а уже в печенки в'елся,—и так жизнь собачья, а тут еще и дождь до Покрова будет ити! Ежели же каждого гражданина за дождь штрафовать хоть по пятьдесят рублей,—небось, погодка исправится

КУЛЬТПРОСВЕТ.

Невероятно, но факт. Черным по белому: Бердянскому укому РЛКСМ.

Орготдел Северо-Кавказского крайкома РЛКСМ просит сообщить, состоит ли членом РЛКСМ Крауберг, Ольга Федоровна, из колонии Ольгино, рожд. 1906 года, крестьянка, по национальности—немка. По сообщениям, она состояла членом ячейки с Ольгиной и выехала в Ростов по тем соображениям, что в колонии разнесся слух о приходе в колонию Гинденбурга, который должен перевешать всех немцев-коммунистов. Крайком просит сообщить, действительно ли была такая ячейка и утверждена ли она в райкоме или губкоме.

А что, если была, да и нету: вся выехала? Жаль... Хоть одним бы глазком поглядеть на такую ячейку! После этого и помереть можно.

КУЛЬТРАБОТНИЧЕК.

В Самарском районе, Кунгурск. округа, Уральск. обл., в объединенном месткоме профсоюзов председатель—сын попа Щучалов. Этот Щучалов взял на себя обязанность выписывать на месткомовские деньги газеты и журналы, которые, по получении, горкой складывает на столе своей квартиры. Там они лежат по 2 месяца. И только из боязни, что стол под тяжестью газет рухнет, Щучалов медленно производит разгрузку, рассылая газеты по союзам.

Наивные люди живут в Самарском округе. Верх наивности—полагать, что сын служителя культа должен быть хорошим культработником.

ПО ЕВАНГЕЛИЮ.

В селе Владимировка (бывш. Николаевка), Шутиловской вол., Лукояновского уезда, Нижегородской губернии, сельсовет выдал гр. Ширину Якову удостоверение в том, что Ширин ничего не имеет. На основании этого удостоверения страхкасса назначила Ширину пенсию, а потом оказалось, что у Ширина новый дом, сад фруктовый, лошадь, две коровы, две телки, бычок, 13 овец, две свиньи и 9 десятин земли...

Во-первых, сельсовет просто не закончил бумагу: он хотел написать, что гр. Ширин ничего не имеет... против получения пенсии. А, во-вторых, это ежель и не по-советски, зато по-евангельски: у неимущего отнимется, а имущему—дастся.

Не знаем, имущи ли члены сельсовета, давшие такое удостоверение, но что им за это дать следует,—уверены.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Получил гражданин станицы Курганной, Армавирского округа, Ю.-В. края, повестку из почтового отделения,—приглашают за заказным письмом явиться, но... не так просто это письмо получить, ибо на обороте повестки указано, что для получения необходимо засвидетельствование повестки:

полицией, мировым судьей, земским начальником, волостным правлением и т. п.

А, как на грех, в станице Курганной нет ни полиции, ни мировых судей, ни земских начальников, ни волостных правлений. И давно уже нет. Искал-искал адресат,—с ног сбился, а не нашел. И прислал нам повесточку, и просит пособить.

Разве почтовый округ вилой колупнуть? Может быть, и поможет.

«ТАК И НАДО»...

— А что с тем членом правления, который проворовался? Сидит?

— Сидит.

— Так ему и надо! А где он сидит: во внутренней или...

— В правлении другого кооператива...

— Ну, хорошо: РКП пойдет в деревню... А дальше-то что?

— Дальше-то? Деревня пойдет в РКП...

АНИУТИНЫ ГЛАЗКИ.

В деревне Аниутино на месте преступления по выгонке самогона был задержан кулак Сененко, владелец, между прочим, пасеки до 40 ульев.

Начальник милиции Лыско оштрафовал его на 5 рублей, в то время как на местную бедноту накладывает штрафы до 30 руб.

Об этом тов. Лыско еще в русской сказке сказано: Был, мед пил, по усам текло, в «Крокодил» попало.

ДРУЗЬЯ ДЕТЕЙ.

В гор. Овидиополе рабочим государственной паровой мельницы в счет жалованья администрация выдала ботинки на пятилетних детей.

Если администрация паровой мельницы впала в детство, то при чем здесь рабочие?

РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ.

Жалуются «Крокодилу»:

У нас, в Луганской окрмилции, милиционер получает жалованья 24 руб. в месяц. Из них вычитают—в союз, в кассу взаимопомощи, в фонд безработных, в Мопр, в Авнохим, в «Друг Детей», Матери-пролетарки и Беспризорному ребенку... Таким образом, к получке получить нечего, а ведь еще хочется газету почитать в баню пойти...

А, может, вам еще и есть хочется? Ого, какие у вас широкие потребности.

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ.

Там же:

«Вот уже более двух лет не выдают белья, несмотря на то, что милиционеру полагается 2 пары белья в год».

Видно, тамошняя администрация сильно хозяйственная и рассуждает по пословице: «Всякая трапиза и через три года пригодится».

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Из станицы Ильинской, Кубанского округа, пишут:

«Появился у нас хиромант и очень хорошо зарабатывает — очереди к нему огромные. А вот предсельсовета, чтобы не стоять в очереди, пригласил хироманта погадать ему к себе в кабинет, во время служебных обязанностей».

Наверно, хиромант не всю правду сказал. Зато «Крокодил», даже не глядя на правую руку предсельсовета, предсказывает: советская линия ничего хорошего вам не сулит.

ТВЕРСКИЕ СТРОИТЕЛИ.

Нам сообщают:

«Тверской ГОМХ, починив трамвайный путь по Советской улице, принялся ремонтировать уличный путь, закрыв проезд по улице и оставив свободным лишь трамвайный путь. Результаты — проезжающие по трамвайной линии грузовики с камнями и подводы так разделили ее, что она стала хуже, чем до ремонта».

Вот это, действительно, капитальный ремонт, потому что много капиталу тверские голлозики на это дело ухлопают...

ТОЖЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ.

Секретарь ячейки РКП Маслосава № 21, в селе Анне, Воронежской губернии, на беседе с комсомольцами «О производительности труда» сказал:

«Товарищи, каждый должен поднимать производительность труда, кто что умеет по своей специальности. Специальность есть у каждого — рабочий на заводе работает, крестьянин производит хлеб, а я умею говорить».

Тоже, конечно, специальный труд... Только едва ли нужно лопытать его производительность. Наверно, и без того повышен процентов на пятьсот сверх всяких программ и заданий.

ДОБАВЛЕНИЕ К № 28 „КРОКОДИЛА“.

Хорошо развлекаются в Краснодаре, Кубанского округа.

Зампред жилсоюза, член партии Сулеменко, всячески выявляет свою личность: ругается в присутствии комсомольцев площадной руганью, вступая с ними в ссору, гоняется по двору с дубьем, преследует по учреждениям комсомолок, заливая им под юбки кружки холодной воды.

Холодная вода может иногда помочь, если ее в количестве ушата вылить на голову. Хотя тов. Сулеменко и это вряд ли поможет

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПЕЧАТИ.

Оригинальную справку выдал сельсовет Шахтинского района.

— Дана сия гр. Болотину в том, что он, действительно, как это видно из его слов, рожден 25 мая 1907 года.

Председатель же Шахтинского сельсовета, действительно, как это видно из его справки, не читает бумаг, которые он подписывает.

РИСКОВАННЫЙ ХОД.

Из села Игнашино, Амурской губернии, сообщают:

«У нас состоялся крестный ход о даровании богом дождя. Самым ярким защитником крестного хода была Кожевникова, секретарь школьного совета. Любопытно, что она на собраниях всегда говорит о новом быте и о том, как хорошо живется женщинам при Соввласти».

Даже и таким, как Кожевникова. Старая истина: ласковое тело двух маток сосет.

ДОПУЩАЮТ...

Нам прислали выданный управлением Пермской железной дороги, в Свердловске, документ:

«ПРОПУСК».

На право посещения красного уголка имени В. И. Ленина. Предъявитель сего имеет право входа в здание правления дор. по улице Ленина № 33 для посещения красного уголка. Заведующий домами правления дор. Подпись».

Молодцы. Бережно относятся к своему уголку. Только жаль, что они не догадались до сих пор выдавать разрешения на право чтения сочинений В. И. Ленина. Вот тогда уж к ним никак не дерешься.

РЕЗОННЫЙ ВЫХОД.

В пятую годовщину национализации грозненской нефтяной промышленности на электро-группе «Красная Турбина» задумала администрация отметить этот день выпивкой, а Грознефть на это дело денег не отпустила. Тогда администрация продала на сторону на двести рублей машинного масла и выпивку организовала.

Хорошо-с. А по-вашему, дорогой товарищ, администрация должна была пить мазут, а машинным маслом закусьвать? Нехмельно и невкусно. А теперь, по крайней мере, головка (по которой не поглядят) потреплет малость с похмелья...

ОКНАМИ К ДЕРЕВНЕ.

Газета «Рабочий и Крестьянин», выходящая в Феодогии, печатает такое объявление крупным шрифтом:

«Для усиления связи с деревней, редакция газеты перешла в помещение типографии.— Знаменская № 6».

Бедная редакция «Рабочий и Крестьянин», что сна будет делать, когда вдруг вздумает усилить связь с рабочими... Не иначе как придется ей, бедняге, переходить в помещение гумна.

СМЕРТЬ ДОКЛАДЧИКАМ.

Из протокола № 42, от 9/VIII—25 года Енакиевского Райисполкома:

«За самовольную неявку на заседание президиума для доклада, тов. Давыдова арестовать на 3 суток, без исполнения служебных обязанностей».

Три дня мало. Вот бы голиков на 5, да со строгой изоляцией. Это дело... И как это РИК не догадался?

ОТПЕТЫЕ.

Объявление:

«В крестьянском красном уголке в 6 час. вечера, в городе Верхоненске будет лекция о великих грозных явлениях природы, о кончине мира и хора детей школьников».

«Красный Уголок»

Непонятно, зачем ребят к таким ужасным событиям привлеки. Не для того ли, чтобы заодно уже и мир отпеть.

БАННЫЙ ЛИСТ.

В Нижнем Новгороде, в бане Губкоммунотдела, в третьем классе, часто совершаются кражи белья, обуви и т. п. у рабочих. Меры не принимаются.

Хорошо оборудованы бани в Нижнем-Новгороде. Есть шайки не только для воды, а еще и для кражи вещей.

„РАЗУМНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ“.

— Ишь ты, как чисто-то. Даже ступить страшно. На стенах портреты развешены, на столе книги с газетами. Одним словом, Ленинский уголок! «На—пол—не—пле-вать»... Ай-ай-ай! Ишь ты, окурка—и то не знаю, куда деть.

— А ты его в урну брось. Вон урна-то стоит.

— Больно она чистая. Непривычно в ее и бросать. Я уж лучше в карман себе суну.

— Товарищи, я, как председатель жилищного т-ва, объявляю сегодня открытие нашего ленинского уголка. Не желает ли кто высказаться, товарищи?

— Где уж нам... Говорите вы, Иван Федорович, а мы уж послушаем.

— Товарищи, ленинский уголок — это для разумного развлечения и саморазвития. Культура же-ж прежде всего! А мы, товарищи, играем в карты, опять же пьем. Пусть этот уголок будет нашим маленьким клубом, где мы будем получать разумные развлечения. Да вы подходите, товарищи, не бойтесь. Читайте газеты. Опять же шахматы, играйте, кто умеет...

— Чудная игра эти шахматы. Голову об ее сломаешь. А в шашки я могу...

— Семка, давай с тобой в шашки.

— Братцы, а как же это, к примеру: нас семеро, а в шашки двое дуются... Что же мы сможем даром будем? Нам бы тоже игру придумать.

— Есть же такие игры на всех, и не то, что карты, а вот лото, например. Она игра незаметная, а время провести можно:

— Иван Федорович, а как насчет лото? Можно здесь сыграть?

— Что-ж, лото, оно, конечно... Шахматы — оно игра, а лото, это хоть вроде азарту, однако, и не то, что карты...

— Тащи, ребята, лото, у кого есть. Вот это дело! — Сядь, братцы, за стол... Газеты-то в стопорку. Да ты их на пол сложи, небось, не растают. Опосля прочитаем... Даешь лото!..

— Братцы, а как по-вашему, ежели бы чайку сюда. Или пива? А то жарко, и того... скушно как-то...

— Что-ж, пиво, оно не вредно. Его и в клубах дают.

— Известно. Пиво, как пиво. Его завсегда можно... Как по-вашему, Иван Федорович?

— Да что там «Иван Федорович»... Тащи, у кого есть. Митька, сбегай, и для меня три бутылки.

— В...во! Сразу игра веселей пошла.

— Ребята, а ежели в железку?

— А как Иван Федорович?

— Пуцай он свою диктатуру не разводит, Иван-то Федорович. Не на его деньги будем играть. Даешь в очко!

— Во-во... Тащи карты, ребята, в очко, так в очко...

— Граждане, сознательные граждане... Нельзя же-ж азарт разводит. Тут же-ж разумные развлечения, граждане...

— Заткнись!

— Эй, ты, сознательный гражданин! Выпей стаканчик перцовки... От чистого сердца даю... Выпил? Ну, вот, и сиди! Сам пьешь, а кричишь...

— Так ведь я же-ж, с горя же-ж...

— И чего это ножка отлетела? На проигрыше даже стулом об пол треснуть нельзя... На чем же я сидеть буду?

— А ты вов урну возьми... Что? Привязана, стерва? А ты дергай ее, она и оторвется... Дергай, дергай, не бойсь...

— Братцы, а на каком основании он мне на руку наступил?.. Я, можно сказать, пошел домой чинно, благородно, а он мне на руки наступает...

— То-есть, как это «на руки»?..

— Это он-то «чинно, благородно»? Ах, пьяная стерва!.. А ежели он на четвереньках мне под сапоги прет, так я в воздухе должен висеть, что-ли?..

— Миллионер!.. Кто меня с лестницы столкнул?.. Тр-тр-тра-та-та! Еще шесть ступеней... Миллионер!.. где моя фуражка?.. Все равно, без ее домой не пойду. Лягу здесь и буду лежать. Пуцай на меня смотря... Пуцай!..

— Братцы, товарищи... Ик!.. И как же-ж это вышло?.. Ведь мы же по культурному... Ик!.. Ах, боже-ж ты мой!.. Ведь я же говорил, а мне в морду заехали... И как же это вышло, а, братцы?..

Юджэн.

НА ДОЛЖНОЙ ВЫСОТЕ.

— Собачья жизнь!—вдохнул пред ВИК'а «Красные Зори» Елпатов.

— Жизнь, действительно...—поддержал секретаря.

— И просвету не видно,—сообщил Елпатов.

— Мрак!—скрепил секретарь, ласково ковыряя в носу.

Непродолжительное молчание, следовавшее за столь вразумительной оценкой текущего момента, нарушалось лишь сопением преда да жужжанием мухи, не успевшей издохнуть от тоски.

— Неш циркулярчик писнуть?—запросил секретаря.

— О чем? Как будто обо всем уже писано.

— О налоге писали разве?

— Эва! А вчера о чем же? О псе рытом, думаешь?

— Гм. Кампанию проведем. Посевную. Осеннюю. Циркулярно всем сельсоветам: «с получением сего предлагаю немедленно приступить к проведению на местах».

— Писали и про кампанию...

— Про МОПР можно, или авиахим там какой...

— Писано и об этом.

— Повторить. «В дополнение к циркуляру от такого-то числа и в развитие оного с полученным сего предлагается».

— Повторяли.

— Неужто повторяли? Ну, и жизнь.

— Собачья жизнишка!

Секретарь изловчился и поймал муху. Оторвал крылья, давил ногтем большого пальца и удовлетворенно заявил:

— Не будешь, подлая!

— Не мучь животную,—зевнул пред:—что бы изделать-то?

— Селькора бы где-нибудь зывесть на свежую воду...

— Селькоров у нас не водятся.

— Не водятся!.. А от кого эти пакости?—

И секретарь сунул руку под нос отношение из уезда, в котором сообщалось, что «до сведения президиума УИКа дошло», а кончалось предложением: «в кратчайший срок принять энергичные меры к устранению указанных дефектов и поставить деятельность ВИКа на должную высоту».

— Ну-к, что-ж. На то и президиум...—с ударением на последнем слове лениво ответил пред.— Описано им вчера: «на ваш номер от сего числа сообщаем, что указанные недостатки устранены с революционной решительностью». И все тут.

— Все, все. А как ревизия приедет, тогда опять все?

— Ревизия, говоришь?—Пред задумался.

— А что, ежели и нам проехаться? В Мокневском сельсовете самогон—язык проглотили!

Но сразу сомлел:

— На автомобиле бы. Чтобы кричал. Народ в стороны, коровы режут, лошаденки шарахаются. Почет!

— А ежели Петьку Симкова взять?—задумчиво спросил секретарь:—такие звуки выделяет! Намедни крикнул, так и сам в канаву ухнул! Живой автомобиль. Понимаешь,—едом на трюнде, а Петька рядом с кучером, и крикает. Как автомобиль...

— Наряди, что-ль, подводу,—потянулся пред,— проверим директиву в Мокневском. И Петьку покличь. А покуда—пойтить...

Пред не договорил. В ВИК просунулась как-то тощая, явно городская фигура.

— Ревизия,—зловеще шепнул секретарь и ушел. Пред остался один. Вздрогнул и спросил вновь прибывшего:

— Из уезда, товарищ?

— Нет, из центра. Вы—председатель ВИКа?

— Я-а-а-а...—голос у преда задрожал:—из центра, товарищ? Неужто до центра дошло?

— Что?

— Насчет разного там... А только брешут. И насчет бюрократизмы брехня, и насчет самогону и прочего—брехня... На должной высоте... Одних циркуляров—двести в месяц, товарищ, посылаем! Ценить надо, а не доносы писать... Нам УИК циркуляр, а мы сельсоветам—лять. Вот как работаем! А ежели мужиков не принимаем,—так они уж и сами не идут. Потому—забудьга народ...

— Да нет, товарищ, я—по мобилизации. Добровольцем, вот, пошел. Работать в деревне... Пред присанился.

— Безработный элемент из города? Жратвы

в центре не было! Ходят тут всякие... Обожди, братишка, в прихожей, нечего лезть в присутствие... Зайдешь, когда с ревизии приеду.

Через месяц снятый пред говорил уволенному секретарю:

— Было-б тогда его с почетом принять добровольного-то.

— Не в нем, отец, дело. Не иначе, как селькор навредил: вот что.

Пред колупнул в носу и согласился:

— Возможное дело. Злостный подкуп откудова-то, говоря между нами.

Вл. Павлов.

„КРОКОДИЛ“ 15 коп.

В МЕСТКОМЕ.

— Ну, и парод!... что написал я пока ку нынешнего собрания,—и уж кто-то конец от нее оторвал на раскурку... А потом сами будут ворчать, что повестка у нас бесконечная!

В УГРОЗЫСКЕ.

— Я вот по какому дельцу: нельзя ли меня посадить за растрату?

— Добровольно сознаетесь?.. Сколько и где вы растратили?

— Ничего не растративал. А мне отсидеть бы сначала, сколько положено, а уж потом я растрочу. Не в пример способней бы было!

Н.

Я.

— Не ценят, не чувствуют, не понимают,—горько жаловался мне Нудицын и бил себя в грудь:—как я еще не запил, сам не понимаю! Работашь, работашь, из кожи вон лезешь, и, главное, бескорыстно, а они не ценят! Ты не думай, что мне какая-нибудь благодарность нужна или что там... Нет, я просто хочу, чтобы почувствовали.

Суди сам. В начальство я, ты сам знаешь, не лезу. Крестьянствую, как все. Хотели было меня в председатели, — я отказался. Не нужно мне власти,—хочу быть, как все. А сколько я добра для села сделал!

Кто помещика выселил? Я. Кто первый решил клевер сеять? Я. Кто на волостном съезде отстаивал, чтобы врачебный пункт у нас в селе был? Все я да я.

И вот говорю нашим крестьянам:

— Чувствуйте, товарищи, какой среди вас человек живет! Я для вас, может, жизнь свою погубил, может, я бы в городе теперь в почете был, а здесь я пропадаю исключительно за то, что крестьянству сочувствую, потому что знаю, что мало еще в деревне российской таких людей, как я!

— Чем же ты недоволен?—удивленно спросил у Нудицына.

— А вот тем, что, бывало, начну крестьянам доказывать пользу моей жизни здесь с ними, как я, не покладая рук, для общества работаю, а они слушают и молчат. Ну, не обидно ли становится?

— А ты попробуй, не говори об этом с ними, — посоветовал я Нудицыну, — может, тогда скорее оценят.

— То-есть, как это? — не понял он.

— А так «Я» это свое, попробуй, спрячь куда-нибудь подальше. Работай, как работал раньше, а про себя молчи. Понял?

— Обидно же мне, — опять начал Нудицын, — кабы я лодырь был или вредный человек, а то сам ведь знаешь, что хозяйство у меня примерное, и общественная польза от меня всем гражданам. Я один газету выписываю, а читает полсела, я и книжки... да, вообще, много ли в губернии таких сознательных, как я? Ведь мужик, он только и норовит, чтобы себе в карман, а я, брат, не таковский, я о всех думаю, я...

— Тыфу, — плюнул я, — заякал! Да пойми же, что вся твоя работа на смарку идет, когда ты начинаешь себя расписывать. Ну, знаем, ну, деятель, ну, благодетель, ну, и молчи!

— Молчать? Не могу молчать. Когда даже вот ты, можно сказать, передовой авангард, и что же я вижу: вместо того, чтобы меня, дешевого передовика, выслушать и посочувствовать, ты плюешься, как самый последний! И на кого? На меня! Да ты знаешь, что я...

С. Карташов.

Рис. И. Мамютина.

ПРОФУПОЛНОМОЧЕННЫЙ—Я, гражданин судья, одну букву не дослышал: надо бы ближе к массе, а я—ближе к кассе...

Руф Кузмич замотал ремешки от очков за уши, погладил окладистую бороду и, строго взглянув на посетителя, проговорил:

— Ну, что скажешь хорошенького? Только покороче и по-фактически.

Посетитель, рыжебородый пузан, в розовой зубахе и черном жилете, робко покосился на заваленный толстыми книгами и бумагами стол и вытер рукавом пот с багрового лба.

— С соседом сурьез вышел,—пробормотал он, наконец:—с Никитой Дыркиным, чай, знаешь его? Несамостоятельный такой мужиченка. Я тебе чичас все, как попу на духу, Руф Кузмич. Как ты есть наш сельский аблакат, заступись, сделай милость. С весны, вишь-ты, я Дыркину хлеба займы давал по доброте моей, а он заместо процентов кое-когда подсоблял мне по хозяйству. То огород спашет, то с работником дров из лесу привезет. А тут позвал я его в покос сено убирать, а он мне с такой подлой выходкой: «Долг я тебе весь сполна предоставил, Андрей Макарыч, работал тебе за спасибо, а теперь у меня самого делов по горло. У тебя, чай, два работника». Как это мне сказал,—злость меня разобрала до отчаянности. Человек я хоша и сырой, да горячий. И, признаться, выпивши был в те поры малость. Вот, говорю, какая твоя благодарность. Юрод ты, говорю, царя небесного, хрпоидол мерианский. Да как хвачу его по ряжке,—он с ног долой. А тут парень мой Тихома мне подсосил. Здорово мы его укомплектовали, всю личность в кровь раскошматили и ребро малость помяли. На другой день слышу—из ичейки, которые комсомольцы, Дыркина к доктору свели, удостоверение о побоях исплопотали и на суд на меня велят подавать. Что же на это скажешь, Руф Кузмич? Ведь, засудят, пожалуй, а?

— Эх, голова—Кирюха!—укоризненно покачал головой «аблакат»:—влез в историю с географией. Такие дела, брат, здорово теперь квалифицируются по уголовному кодексу. Нарушение личности эксплуатируемого существа—вот оно что. За это, брат, исправдом с изоляцией.

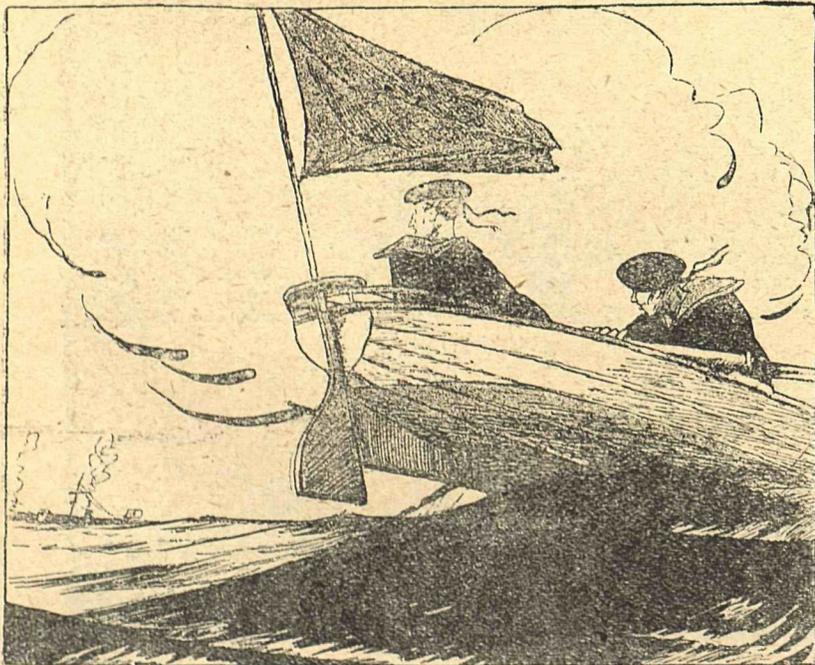
— Как же быть-то?—упавшим голосом пробормотал посетитель:—уж так мне неохота в эту самую золяцию! Заступись, сделай милость, ничего не пожелаю.

Руф Кузмич задумчиво перелистал толстый том «Нивы», потер лысину и сказал:

— Оно, конечно, с настоящими правозащитниками тягаться не легко, но, принимая во внимание твою благородность, возьмусь за дело. А ежели за дело берется Руф Кулаков—значит, дело в шляпе. С нынешними юрисконсулами мы справимся. Теперь кто в судах? Тюха, да

Рис. К. Елисева.

НА МАНЕВРАХ ПОЛЬСКОГО ФЛОТА.

— На такой грозный флот нельзя смотреть невооруженным глазом. Не увидишь...

Матюха, да Колупай с братом! А Кулаков, друг ситный, при царизме в самом сенате выступал! Среди звезд разной величины и удельного веса. А нынешних вокруг пальца обернем, хотя ни в каких коллегиях ихних и не состоим. Мы, брат, самого Дыркина в изоляцию посадим. Только вот какая будет твоя благодарность?

Пузан вынул из кармана толстый бумажник, порылся в нем и выложил на стол червонец.

— Конечно, есть, которые несознательные—скосив глаза на червонец, продолжал Кулаков—им думается за десятку купить человека со стажем. А я за десятку, хотя не состою в коллегии, принимая во внимание стаж, никогда не согласен.

— Двадцати довольно?—робко спросил клиент.

— Четвертной сейчас,—а четвертной по окончании дела!—решительно заявил «аблакат».—Зато гарантию даю, по моей квалификации и стажу, что Дыркина засудим.

Посетитель со вздохом выложил еще пятнадцать рублей. Кулаков величественным жестом смахнул деньги в ящик стола, взял перо и сказал:

— Сейчас напишу официальную бумагу. Немедленно перешли ее Дыркину. Понял?

— Работника пошло, отозвался клиент:—Только засуди его в золяцию эту самую!

Кулаков достал лист бумаги и написал:

«Официально и конфиденциально. Гражданину села Варапаева, Никите Дыркину. С получением сего предлагаю немедленно явиться ко мне, в мое распоряжение. В случае неисполнения, последствия упадут на вашу голову. Член ОДВФ и частный правозащитник со стажем, Руф Кулаков.

Клиент взял записку и вышел. Кулаков вынул лист бумаги и, по временам почесывая кончиком ручки потную лысину, усердно заскрипел пером. Через час в комнату вошел худощавый, чернорылый мужик, в старом зипуне и робко остановился у двери.

— А, это ты, Дыркин?—ласково проговорил Кулаков,—садись, гостем будешь.

Дыркин робко уселся на кончик стула.

— Вот, Дыркин,—продолжал «аблакат»:—Вызывал я тебя, жалеючи, как ты есть бедный и темный человек. И чорт тебя дернул связаться с Андриюшкой, с первым богачем в селе? Ведь, у него, брат, капитал! Хотя он виноват, а тебя засудят, это—как пить дать. Десять правозащитников наймет Андриюшка, а они такую котировку подведут под квалификацию пунктов уголовного кодекса, что—разлюли малина! На ячейку надеешься? Ячейка, брат, она по партийной линии может, а по юридической—ни-ни.

— Господи!—испуганно замигал глазами гость:—Ужели засудят? Как же быть, Руф Кузмич?

— Придется выручать—вздыхнул Кулак в:—и благодарности от тебя не надо, жалеючи сделаю. Ежели завтра утром придешь дроз парубить да пару куриц принесешь—и за то спасибо, лог пригатовил я бумажку. В ней написано, что ты наклеветал на Андриюшку на счет побоев, кот рые получил в другом месте по пьяному делу. Бумажку эту ты подпиши, а я схожу к Андриюшке и все дело облажу. Простит он тебя за смиренность. Подписывай.

Кулаков положил перед Дыркиным лист бумаги. Дыркин взял его, аккуратно свернул, сунул за пазуху и насмешливо сказал:—Проще-в-й пока. Как я малограмотный, а в ячейке разберут, чья тут рука и чьи фокусы.

— Стой! Вернись! Тебя жалеючи! Погоди!—долго кричал ему вслед Кулаков. Наконец, ушел на стул и пробормотал:

— Батюшки! Придется, жажись, к правозаступнику обращаться,—чтобы хоть без строгой мне изоляции...

Н. А. КАРПОВ.

У товарища Курослепина (член РКП с *-го года по 1924 год) в комнате — гости: комсомолец Бочкин и кандидат Лукашук.

Комната увешана воззваниями и фотографиями хозяина—в группах и одиночкой. На столе—массивный письменный прибор и портфель, с надписями: «Товарищу Курослепину от...».

Хозяин откидывается на кресле и занимает гостей:

— И-да... Поработали мы для советской власти и компартии. Всем занимался. У меня в архиве—подбираю, знаете, документики на всякий случай, потом и для КК пригодятся, и в испарт сунуть можно будет, — много есть занятного... Манечка, где у нас папка с архивом? Ах, вот она... взять хоть к примеру 21-й год. Назначает меня губком на продработу. Задание — ударнейшее: разверстка на конские хвосты. Натурально, еду в уезд. Вот, видите, — мандат: ...Дано сие... Курослепину... по мобилизации губкома... уполномочивается... изъятие... Дда. Приехал. Раз, раз — и пожалуйста: 170 процентов задания. Всю губернию завалил хвостами! Конечно, благодарности, чествования. Губпродкомиссар просит наладить и на будущее хвостовый вопрос, но я, знаете, не люблю засиживаться на одной работе. По-моему, мы, партийцы, должны быть всюду и нигде. Сегодня ты—администратор, завтра—делаешь экономику, послезавтра—красный дипломат. Так сказать, всеобъемлющей рукой.

— Дда... По моей же просьбе, перекидываюсь секретарем ячейки на «Красную Шпильку». Огромнейшая единица, «Шпилька» то-есть. Наживаю партработу, изживаю тамошний кризис, но, понимаете ли, вдруг через месяц меня начинают уходить за черезчур будто бы администраторские замашки.

После этого, помнится, мною усиливается вологодская организация. Заведую губкурсами инструкторов охраны материнства и младенчества. Программа—расширенная: по Свердловскому университету. Делаю выпуск. Мне подносят четыре тома «Капитала». Видите: «Товарищу Курослепину благодарное вологодское материнство и младенчество...».

— Четвертый том где-то затерялся... Дда.

— Дальше, к началу 22 года... Манечка, что мы делали в 1922 году? Ах, да! В Устьесольске. Только вот не припомню: не то в райсоюзе потребительских обществ, не то в коммунальном отделе... Впрочем...

— ...Много есть, чего вспомнить... Хотя бы в 23 году. Довелось мне помочь болгарской революции. Каким образом? А очень просто: на меня возложили проведение помощи жертвам. Тогда еще воззвание выпустили, захватывающее такое воззвание. Видите, вот висит... Читайте: Председатель комиссии по проведению—Курослепин. А вот текст, горячий, революционный текст: «Граждане! В будущее воскресенье на Собачьем поле состоится подрыв негодных снарядов, переданных воен... ведомств... Предупреждаем... пугаться нечего...» Нет, это как раз не то... Но все равно. Здорово тогда помогли. МОПР еще прислал благодарственную бумагу... Дескать, не останавливаясь перед жертвами революции, ну, и так далее...

— Тогда же меня поставили во главе заготовительной кампании по экспорту сырья. Лен, пенька, хлеб. Во всецухломском масштабе работали. 200 процентов задания. Частный капитал совсем задавили. До самого января вывозили...

— Погодите, товарищ, так это вы—тот самый Курослепин, который в 23-м году заготовлял от райсоюза лен? — спросил вдруг Лукашук.

— Я самый.

— Тогда у вас знаю. Ну, и крыли же мы вас за вашу «заготовку»? Половина сырья тогда погнила в складах, крестьяне претензии стали предъявлять, задатков вы надавали чорт знает кому. Одним словом, не знавши броду...

— То-есть, как же это так?.. Это, наверно, ошибка... Есть еще один Курослепин, он еще в прошлом году добровольцем в деревню... так может, это вы про него?..

— Нет, уж, кажется, дело ясно...

Хозяин замолкает на 5 минут, а затем робко начинает:

— А то еще во время керзоновского ультиматума...—Да куда же вы, товарищи, посидите...

— Нет, уж мы пойдем.

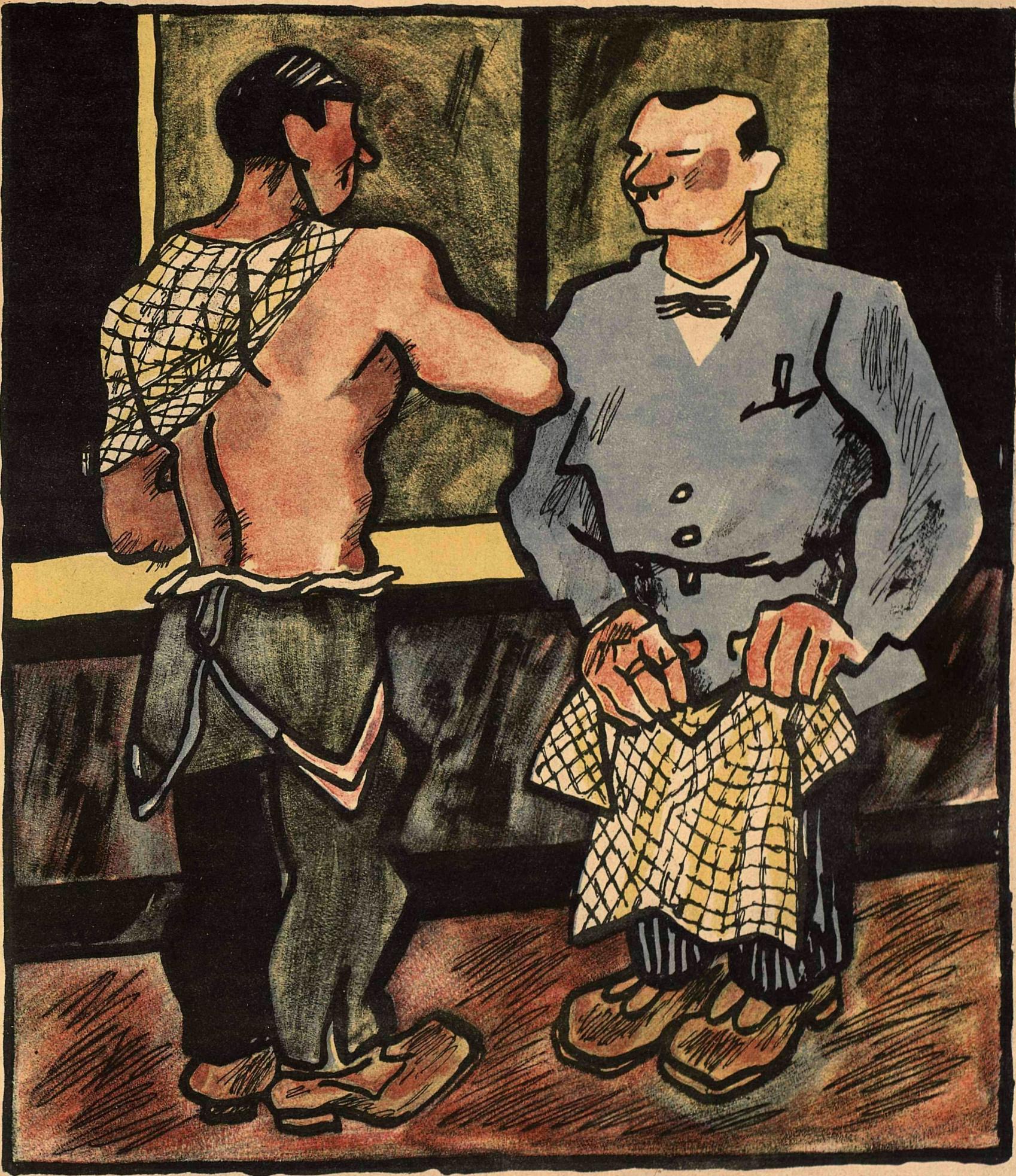
Курослепин доводит гостей до двери, возвращается и злобно комкает воззвание о подрывании негодных снарядов.

В. Ардов.

В Ы Р О С.

„Мы стремимся втиснуть всех в одну тарифную сетку. Это устарело“ (из доклада т. Шмидта).

Рис. Ив. Малютина.

— Что неудобно?
— Да, эта сетка для моего роста мала. Нет ли пошире?

ЖЕНСКАЯ ТЕМНОТА.

(Конспект современного романа).

Гл. 1. Тайнственное приглашение.

Все тридцать Ремингтонов и Ундервудов переписочного отделения Энского Треста замерли, когда услышали от пишмашинистки Унионовой сенсационную новость: Главбух Ещин, не склонный ни к каким любовным авантюрам, сегодня предложил Унионовой пойти с ним в Эрмитаж. Унионова, шаблонная, тридцатилетняя совмашинистка, с восторгом согласилась. Старшая машинистка Лохматова сказала по этому поводу:

— послушайте меня, тов. Унионова. Смотрите, как бы он не уговорил вас вступить в брак. Потом пожалете...

Гл. 2. События разворачиваются.

В залитом электричеством Эрмитаже, ровно в 12 часов ночи, Ещин решительно подвел Унионову к киоску, купил свернутую в трубку вафлю и, подавая ее Унионовой, сказал:

— Подкрепитесь, тов. Унионова. Я сейчас вам скажу нечто очень важное для нас обоих. Как вы догадаетесь, дорогая тов. Унионова, я вам предлагаю быть моей женой.

От неожиданности Унионова вздрогнула и выронила из вафли сбитые сливки. Ещин ухитрился поймать их на лету, извинился, и запихал их снова в вафлю.

— Докушуйте и не волнуйтесь,—продолжал он.—Выгоды настоящего предложения для вас нижеследующие: сделавшись моей супругой, вы прежде всего бросаете службу. Поэтому будете вставать, когда вам заблагорассудится. Далее, вы не будете ходить на общие собрания, не будете участвовать в демонстрациях 1-го мая и всякого рода протестах. Выйдете из Доброхима и Мопра. Словом, станете настоящей дамой...

— А качалка у вас есть?—спросила Унионова.

— Качалку куплю.

— Согласна.

Гл. 3. На другой день.

На другой день Ещин и Унионова с разрешения РКК задолго до окончания занятий отправились в ЗАГС закреплять новую жизнь. После этого Унионова, счастливая и радостная, навсегда распростилась с Ундервудом 121142. Товарищи пишмашинистки с затаенной завистью смотрели на самосокращающуюся Унионову.

Гл. 4. Три дня спустя, или в пивной «Красный Негр».

Три дня спустя, Помбух Ачкасов затащил новобрачного Ещина в пивную «Красный Негр», с целью выпытать основания скоропалительного брака с Унионовой.

После пятой бутылки «Степана Разина» Ещин открыл свою тайну

— Друг Ачкасов,—сказал он.—Прислуга моя, старуха Окулишна, в прошлом году отпуска не брала, а потому, на основании Кодекса за-

конов, смылась в деревню на месяц. Заместительницу брать опасюсь, безусловно обокрадет. Думал я, думал и явилась у меня мысль: по боку на вечные времена прислугу, а на ее место—супругу из несознательных. Выгоды неоспоримые. Прислуге отдельный угол, жена может и на моей кровати. И так далее. По моему подсчету, одна жена доставляет в год 300 рублей с копейками чистой прибыли.

Ачкасов потребовал еще пару пива и сказал:

— Вот месяц пережду, и если твой ориентировочный план верен, тоже женюсь. Триста рублей в год не жук наклал. Это лучше нагрузки...

Гл. 5. Медовый месяц.

Новобрачный Ещин был неузнаваем. Ходил в чисто выстиранных белых костюмах, нахально жевал все время блинчики, пирожки и проч. (в счет трехсот рублей сбережения на жене), растолстел. Однажды, во время страшной грозы, когда улицы были затоплены, Ещин вызволил по телефону жену. Она явилась,—и принесла зонтик с калошами.

Гл. 6. Гром среди ясного неба.

Через месяц в отделении машинисток вбежала плачущая Ещина-Унионова. Все клавиши тридцати Ундервудов и Ремингтонов испуганно уставились на нее. Унионова припала к плечу старшей машинистки, и рыдая, умоляла зачислить ее обратно в штат. Старшая машинистка сказала строго:

— Вот видите, товарищ Унионова. Я вас предупреждала! Теперь вы погибли...

Получив отказ, Ещина убежала, не объяснив, в чем дело.

А на другой день, с разрешения РКК, Ещин отправился в ЗАГС, чтобы навсегда развестись с женой. В ЗАГСе Ещин столкнулся с Ачкасовым, который усердно наводил справки о порядке бракосочетания. Узнав, что Ещин разводится, Ачкасов поблудил...

— Не бойся, женись,—сказал Ещин.—Мой расчет верен. Сальдо положительно. Идем в «Красный Негр», там я объясню, в чем дело.

Гл. 7. Последняя. Положительное сальдо.

В пивной «Красный Негр» Ещин так говорил приятелю Ачкасову:

— Почему я развожусь? Третьего дня притащилась с полевых работ старуха Окулишна. Когда я заявил, что завел жену-хозяйку, Окулишна подняла скандал и потребовала выходное. Выходное 10 рублей. Мало того, чтобы уволить Окулишину, надо выставлять причину. Вот этого, братец, я не предусмотрел. Ведь Окулишину-то профсоюз защищает. А развод—без всяких разговоров, и четыре рубля всего стоит. Сальдо—6 рублей, поэтому я и решил развестись. Видишь, и здесь брак имеет преимущества.

Ачкасов потребовал еще пару пива и закричал:

— Завтра же женюсь на старшей машинистке Лохматовой. Она согласна. Только вот боюсь, расход на башмаки большой будет...

— Ерунда,—сказал Ещин.—На год своими обойдется, а там разведешься и шесть рублей чистой прибыли получишь.

В счет этих шести рублей восторженный Ачкасов потребовал немедленно раков и пару пива.

Ю. Автономов.

БОЛЬШАЯ РАБОТА

Рис. К. Елисева.

(в ячейке Авиахима)

СЕКРЕТАРЬ:—Собачья жизнь! По ночам не сплю!
— Развиваешь работу ячейки?
— Какой чорт—развиваешь! Клобы заели!

„ОСТРОВ ВЕЛИКОШАТАНИЯ“.

Парламентская хроника.

I.

В палате № 6, член рабочей партии Гаммерсон спросил премьера: — Известно ли г. премьеру, что безработица на острове грозит принять размеры гомерические?

Отвечая на вопрос, премьер ответил, что безработица пока не превышает установленных норм, и что говорить о ней он не намерен по причинам вышеизложенным.

После ответа премьера, спикер напомнил Гаммерсону, что имя покойного Гомера не следует произносить без надобности.

II.

Отвечая на вопрос полковника Винчестера по поводу чрезмерной мягкости, проявленной правительством непокорным хозарам вверенных частей света, а также агрессивности упомянутых хозар, которые при совершаемой над ними обычной экзекуции позволяют себе оборачиваться нижесудной частью своей к почтенным и заслуженным экзекуторам его величества, — премьер выразил сожаление о печальном факте и сообщил, что оградить секущего от созерцания означенных предметов сечения пока не представляется возможным. Однако, добавил премьер, над этим тяжелым вопросом давно уж работают научно-экспериментальные институты соединенного королевства.

Взяв слово вторично, Винчестер употребил его на то, чтобы под шумное одобрение палаты № 6 бросить жестокий упрек в медлительности всему ученому миру острова.

III.

В том же заседании уважаемый сон высоконаходчивого спикера палаты был нарушен весьма шумно дебатировавшим вопросом о морской программе ближайших лет. Дебаты сопровождались оглушительными угрозами представителей военного министерства, тревожно бряцавших славным, зарекомендованным, отточенным и прочим оружием.

Быстро овладевший собой спикер произнес тут же весьма исторические знаменитые слова:

— Великошатапцы... Просвященные мореплаватели...

Каковые магические слова, естественно, возымели магическое действие. Оппозиция притаилась, пристыженная. Чины военного министерства и послужившая яблоком раздора морская программа восторжествовала в полной мере. В палате пролетел симпатичный ангелок и умилил спорщиков, и т. д.

Что касается шума, нарушившего спикерский покой, то он внезапно сменился бурными криками:

Что по-русски означает «ура» троекратное.

IV.

Того же числа либерал Чарльсон спросил с почтением:

— А известно ли г. премьеру, что положение класса, т. н. «тяжелого труда», оставляет желать лучшего и что даже сама природа не возражает против истины, что «ципленки тоже хотят жить»?

Премьер ответил, что мнение природы, не носящей высокого звания члена палаты, для него не обязательно, но по существу вопроса он намерен внести корректив не позднее 31-го февраля текущей эры.

Герман Вчора.

Р.С.Ф.С.Р.
ЧУЛЫМСКИЙ
РАЙОННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
СОВЕТОВ РАБ. КРЕСТ.
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

Экстренное.

Романовскому Сельпредседателю.

Новониколаевской губ.

Стол общий
17/У1-1925 г.
№ 4780

П.О. Чулымское.

Предлагается немедленно
оказать помощь утопающему в
реке Чулым гражданину

Предрик

За Секретаря

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ.

(Из бюрократических документов).

Рис. А. Радакова.

— Продержитесь еще четверть часика, сейчас подпишут бумаги о вашем спасении.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ.

(Романическая история).

Несмотря на ряд сокращений по милицейскому составу, Мордохлыстов от должности старшего милиционера не был ни сокращен, ни уволен, хотя и имел на это шансы.

Шансов этих было несколько: на него жаловались крестьяне за грубость не милицейскую, а полицейскую. Местные работники описывали его темное лицо красками белыми и черными, а зарождение считали яко бы от николаевских насиженных протухших яиц. Но в виду „недоказанности документности“ и прочих данных и фактов, и потому, что некем было заменить Мордохлыстова, таковой Мордохлыстов оставался попрежнему Мордохлыстовым в вышеозначенной волости.

Сколько бы еще Мордохлыстов прослужил в Кукушкинской волости в должности старшего милиционера, сказать трудно. Полагаем, до всеобщего признания СССР и до всемирной революции,—а по счету два—три года.

Но случай сократил время.

Случилось просто. Как и вообще случается. Жене Мордохлыстова, Екатерине Епифановне, надоело рычание мужа, пьянка, лобон, и поэтому скромно, не говоря ни слова, она удрала жить к Синикову, казаку поселка Змейки, заручившись предварительно согласием волженорганizationalора. Мордохлыстов же хоть и был страшила всех страшил в волости, но с казаком связываться не хотел, по случаю болезни от прошлогодней потасовки, в которой поставлено было Мордохлыстову четыре фонаря и несколько ссадин. По всему этому Мордохлыстов решил действовать на законном основании и, в свою очередь, подал заявление Народному суду. Каковое и приводим доподлинно.

Тов. Пролетарскому Судье.

От старшего милиционера Кукушкинской волости И. В. Мордохлыстова.

Заявление.

Жена моя Екатерина Епифановна, по отцу Герасимовна, сожительствуя со мною 10 лет в добром согласии, неизвестно по какой причине из роди-

тельского дома моего ушла, оставив меня не при чем и в настоящее время проживает с казаком Синиковым поселка Змейки на любовном положении, бессовестно ведет себя по отношению к моей нравственной антипатии, чем великовозможно марает мою субординацию, как человека, состоящего на службе, при этом присовокупляю, что я жил с ней не как какой-нибудь зверь и никаких тиранств с моей стороны не приносил, что могут показать свидетели, соседние казаки, а всегда обходился с оной женой... в хороших качествах, что она хотя и говорит, что я спиваю, что это только ее голословность, так как она тоже занималась этой процедурой со мной вместе поелику времени. Обращаясь к ней с просьбой войти снова в мой отечественный дом для отправления супружеских отношений и на отказ ее просил предволисполкома по этой субординации помочь мне, но оный по неспособности и по нежеланию своему не мог ничего сделать, а потому, в виду того, что я еще человек молодой (имею только 31 год), прилагаю для видности метрическое свидетельство и что вследствие бодрости и пылкости природы и работы всей функции должен по закону и природе исполнять известные супружеские прилигания, что мог бы, конечно, сделать и без помощи моей жены с другими подобными супендиями, но боюсь, что она может какую с моей стороны субординацию признать недовольной и подать к разводу через кого следует и за уязвление ее суб'ектаци.

Я имею честь просить вас, т. Судья, войти в мое положение, вызвать к суду мою жену Екатерину Епифановну и указанных свидетелей и присудить по разбору дела в мою пользу давать ей мне удовлетворения по медицинскому закону, на какой предмет прошу выдать мне исполнительный лист, а также присудить казака Синикова судебные издержки за незаконное якобы пользование моей женой.

Старший милиционер Иван Мордохлыстов.

Сколько лежало это заявление в народном суде и гордилось своей красотой,—неизвестно. Только в один из прекрасных дней Мордохлыстов получил, наконец, просимый исполнительный лист, который и гласил:

„Уволить со службы и предать суду за издевательство над женским полом. По случаю того, что Мордохлыстов не милиционер, а бывший урядник и пролез все-таки в народную охрану, выделить особым делом“.

Роман кончился. А „дело“ начинается.

А. Бездольный.

12702

198

82

БЕЗРАБОТИЦА В АНГЛИИ.

Рис. К. Елисева.

„Король царствует, но не управляет“

Король Георг: — И чего вы волнуетесь?! Ведь и я много лет без работы...